

МОРФОГЕНЕЗ

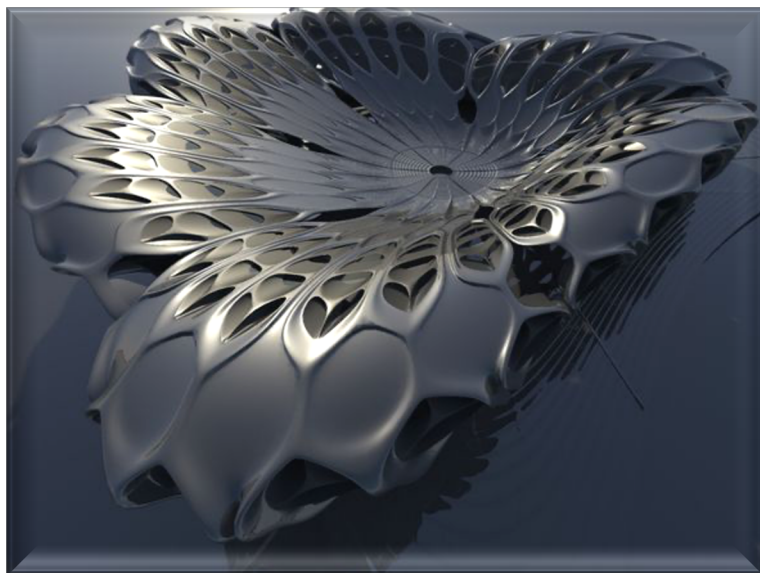

Мы познакомились случайно – я выбирала букет цветов, и она, подойдя к витрине, сказала доверительным тоном: «Я бы выбрала вот эти фиалки – они идеально подойдут к цвету Ваших глаз...» Мы разговорились, и, за стаканчиком морковного сока со сливками, она поведала мне о себе...

Она с детства не любила свою жизнь. И не любила себя в этой своей жизни. За последние двадцать пять лет многие материальные блага, о которых так мечталось, те самые четверть века назад, наполнили её пространство. В нём не было роскоши, в нём была стабильность. Ей завидовали. Её считали странной. В трудные моменты к ней обращались за советом, но её ответы не нравились, и её избегали. И она переставала общаться – чтобы не доказывать, что она – не белая ворона. Но бурлящие воды снова переполняли её, и она вновь открывала свои окна души для посещений.

И всё же, с каждым прожитым годом она становилась всё безразличнее и к себе, и к окружающему. В нём, в окружающем, она искала то, чего там не было, и не могло быть – она искала себя. Она не доверяла своих сокровенных мыслей никому. Да и мыслями их было трудно назвать – так, одни метания.

В каждом встречном она искала того Единственного, который выдернет её из этого дурного сна; но они не видели в ней – её. Потому что её – в ней – не было. Она ощущала себя пустоцветом, никчёмным существом, не способным ничего изменить. Её таскало как щепку, она падала и снова падала, и казалось, что этому не будет конца, и вся эта круговерть просто неизбежно погубит её. Но каждый раз каким-то невероятным образом она находила силы, поднималась, таща себя по

какому-то наитию к некому только ей видимому ориентиру, и, достигнув и немного переведя дух, снова начинала вглядываться в окружающий хаос, пытаюсь угадать куда же двигаться дальше. Окружающие не понимали, зачем ей это было надо, отговаривали, настаивали, даже требовали, но она снова и снова вглядывалась хаосу в самое нутро, ища всплеска.

И – находила.

Годы, нет – тысячелетия прошли с тех пор, когда она в последний раз была счастлива, но она до сих пор хранила в памяти то невероятное внутреннее состояние, которое однажды заполнило её всю, без остатка. Возможно, что именно это неизгладимое воспоминание и явилось тем самым катализатором, удержавшим её от – непоправимого, которое тёмной тенью накрывало её несколько раз. Но в те разы всё обошлось: зачем-то кому-то она была нужна, или, возможно, не она физически, а то внутреннее, что удерживало её все эти годы от безвозвратного...

Теперь она ощущала себя заполненной некоей непонятной Пустотой. Эта Пустота, как ни странно, имела и объём, и – содержимое, и это содержимое, миг за мигом, меняло в ней всё, и навсегда. Словно некий

комбайн перелопачивал внутри неё все её тайны слой за слоем, и затем, выйдя за пределы физического, продолжал так же безжалостно «молотить» её «продолжение». Она невероятно внутренне устала от всего

этого, и порой ей казалось, что сотни, а может быть и тысячи глаз были устремлены на неё, следя за её морфогенезом. И в то же время не было никого, кто бы пожалел её. Обнажённая, одинокая, полураздавленная гусеница, свитая тугим коконом, она не могла ничего, и могла – всё!

Октябрь 2020

Марина Валяева